

ГЕОГРАФИЯ ПОСТМОДЕРНА

К XXI веку начали проявляться нежелательные последствия позитивистского мейнстрима. В западной университетской науке жесткая делимитация наук увела ряд физико-географических направлений в лоно геологических, экологических и геофизических факультетов и разрыву их с гуманитарно-географическими исследованиями. В советской науке позитивистская парадигма, сменившая антропогеографическую, ставилась в связь и подчинение марксистско-ленинской доктрине. Физическую географию было предложено считать естественнонаучной дисциплиной, руководствующейся положениями диалектического материализма и эволюционизма. Экономическая география была объявлена общественной наукой, базирующейся на фундаменте исторического материализма и политэкономии [7; 17]. В создавшихся условиях предпочтительнее стало избегать прямых соприкосновений между физико-географическими и экономико-географическим ветвями географии. Чем дальше отстояло исследование от естественно-гуманитарной оси географической науки, тем легче в нем работалось, тем серьезнее все выглядело. Ведущие позиции стали занимать в географии, по словам А.А.Тишкова, – «не те, кто знал и понимал природу, а те кто овладевал формальными методами анализа – математического, химического и биохимического, физического, компьютерного и пр.» [18, с. 171]. С редуционизмом, формализацией и специализацией соотносится общая дегуманизация географического знания [5; 22].

В то же время ни на год не прекращались в географии интеграционные и расширительные тенденции. «Направление на единство географии на

современном уровне знания законов природы и законов общества, единства жизни планеты Земля – направление всех серьезно думающих, добросовестно работающих, честных, прогрессивных географов всего мира», – читаем в научном наследии Ю.Г. Саушкина [15, с. 21]. Стремление к единой географии наиболее ярко воплотилось в докторской диссертации В.А. Анучина [1]. К.К.Марков подчеркивал, что отрицание «соединенной географии» «представляло бы собой акт самоубийства и предрешило бы упадок географии как науки и как единства учебных дисциплин» [11, с. 59-60]. Среди нерешенных общих проблем географии проблему ее единства В.С.Преображенский именовал первой. «Любопытно, но не оправдано: в Москве ни в Институте географии, ни на геофаке МГУ в послевоенные годы не было создано ни академических сводок, ни монографических работ, обосновывающих единство географии» [13, с. 100–101].

В.С.Преображенский призывал представителей физической географии «осознать человекоизмеряемость естественных исследований», а представителей общественной географии «стать прежде всего человековедческой географией» [13]. Он также отмечал, что ландшафтоведение не выживет, если не будет считаться не общегеографической, а лишь физико-географической наукой и не станет рассматривать человека по отношению к ландшафту не как внешнюю силу, а как его компонент [12].

На Западе интегративные тренды привели к появлению гуманитарной географии. В определенном отношении она была вызовом позитивизму. Еще в 1990-е годы гуманитарную географию трудно было идентифицировать с какой-либо из традиционно выделяемых отечественной наукой отраслей. Подчеркивалось центральное и общенаучное положение гуманитарной географии в западной науке, подобное тому, которое занимает общее землеведение среди физико-географических наук [14].

С начала 1990-х годов проявляется ряд стимулов обновления естественно-гуманитарной парадигмы в отечественной географии. Среди них:

– развитие понятийно-концептуального аппарата западной гуманитарной

географии, тесно связанного с философскими работами;

- общая гуманизация естествознания;

- утверждение антропоного принципа в науке;

- необычайный подъем туризма, с чем связан возросший интерес к географии, краеведению и страноведению;

- определенная деидеологизация науки, расширяющая допустимый спектр исследований и их философских интерпретаций;

- расширение доступа к информации (крупномасштабным картографическим и аэрокосмическим материалам, зарубежным источникам, философскому наследию, статистическим данным).

Появляется отечественная школа гуманитарной географии, в сферу которой попадает все, что находится между физико-географическими и экономико-географическими ветвями географической науки [4; 5; 8]. В отличие от экологии человека и социальной (гуманитарной) экологии, гуманитарная география достаточно старая наука, ведущая начало от антропогеографии. От своих более молодых родственниц она отличается повышенным философским наполнением. И вместе с тем, отечественная гуманитарная география достаточно юная наука, заняться которой в полной мере в России стало возможным с начала 1990-х годов в связи с некоторой деидеологизацией науки, а также общей гуманизацией естествознания. В физической географии гуманитарного географа интересует человек, а в экономической и социальной географии – природа. Гуманитарная география смыкает физическую географию с социально-экономической, а их вместе – с землеведением и страноведением. Как ни одна из других географических дисциплин, придает она вектор единства и целостности всей географии. Ее можно было бы именовать «гуманитарным естествознанием» [16, с. 45].

А.Г. Топчиев и В.В. Яворская отмечают, что в современной методологии географической науки утвердилось понимание объекта географических исследований как единой и целостной ландшафтной (географической) оболочки Земли (географической среды). Вместе с тем «ни физическая, ни

общественная география не охватывают своими предметными областями ландшафтной оболочки в целом, а другого научного направления и соответствующей дисциплины, которые изучали бы целостную земную оболочку как таковую, в настоящее время нет. Так и существует современная географическая наука с декларируемым целостным объектом исследования - ландшафтной оболочкой Земли и с полным отсутствием дисциплин, предметные области которых были бы эквивалентны такому объекту» [19, с. 14]. Появление таких дисциплин возможно в рамках гуманитарной географии.

Теснота связей гуманитарных наук с географической средой и природой является мерилем их пребывания в гуманитарной географии, а не в культурологии, экономике, социологии и т.д. Так же как включение истории и философии в предметное поле физико-географических наук служит показателем пребывания в гуманитарной географии, а не в области физико-географических или экономико-географических исследований. Хотя никаких линий разграничения между гуманитарной географией и ее соседями нет. Постмодерн вообще размывает присущие позитивистскому этапу демаркационные линии науки и приветствует дедифференциацию дисциплин. Единая естественно-гуманитарная парадигма гуманитарной географии хорошо вписывается в парадигму постмодерна.

Постмодерн приветствует дедифференциацию дисциплин и наддисциплинарные исследования. Канадским туристико-географом Аллисоном Гиллом они подразделяются на четыре уровня: междисциплинарные, интердисциплинарные, трансдисциплинарные и постдисциплинарные [21]. Междисциплинарный уровень в понимании Гилла, еще не означает хороший уровень. На этом уровне объект исследуют различные науки, но между их представителями не прослеживается реального взаимодействия и перспективы теоретической интеграции [21]. На постдисциплинарном фундаменте выстраивается здание география постмодерна. Следующий уровень интеграции Аллисон Гилл именуется «трансдисциплинарным». На нем прослеживаются более интегрированные

теоретические, концептуальные и методологических разработки [23; 21]. Еще более высокому постдисциплинарному направлению присущ методологический плюрализм, взаимообогащение различных отраслей знания.

Постмодерн преодолевает дуалистичность мышления в науке. Целое и часть рассматриваются в постмодерне как равноправное и равнодостаточное. Любая часть глаза не менее важна, чем сам глаз, без нее он может быть утрачен. Клетка не менее сложна, чем организм или совокупность организмов [25; 24; 23].

Постмодерн утверждает многомерность реальности. Классическая наука с ее неизменными объектами (фазовые состояния вещества, химические элементы, неизменные биовиды, звёзды и т. д.) уступает место в постмодерне не всегда реальным человекомерным объектам. Появились синергетика, антропный принцип, виртуалистика, теория сложности, субъект-объектная истина. В сфере их интересов оказываются не только вещественные объекты, но и идеи, сны, фантазии, виртуальности. Сам же человек предстает не только в виде тела, но и души, духа и, возможно, чем-то еще более невыразимым и непознаваемым [2].

Философия постмодерна в релятивизме. Постмодерн отказывается от создания универсальных объяснительных моделей, тем более «единственно-верных» теорий. Весь XX век продемонстрировал тщетность их созиданий. Совокупное ощущение мира будущего видится все более нестабильным, многополярным, конфликтным, переходным [10].

Постмодерн дает право на сосуществование друг с другом не только идеологий и гипотез, но и признает существование более чем одной истины. В сущности, ничто не является истиной. Идеология сциентистского объективизма уступает в постмодерне место интерпретативности. Экономическая наука рассматривается как разновидность «риторики», рассчитанной не на поиск истины, а на искусство переубеждать для достижения поставленной цели. Для понимания истины подходят любые умозрительные схемы. Дискуссии между их сторонниками бесплодны, ибо

каждый остается при своем мнении и элементы одной гипотезы редко вливаются в другую. Методолог науки Пол Фейерабенд [20] доказывает, что приступая к исследованиям, ученый уже имеет определенный «скелет» теории. Затем «подгоняет» под нее факты. Его оппонент теми же самыми фактами подкрепит совсем иную гипотезу, в корне противоречащую первой. «Факты создаются теориями, которые они якобы подтверждают. Идеология определяет, что для нее является фактом, а что – нет» [6, с. 32].

Если все прежние общества были основаны на экономической мотивации людей, то в рамках постэкономического порядка на первый план выходит концепция человеческого развития (human development), в основу которой ставится развитие индивида, понимаемое как расширение свободы выбора [9]. Человек постмодерна достигает невиданной прежде свободы. Творчество идет на смену труду.

Выводы. Со сменой позитивистской парадигмы на парадигму постмодерна связаны интеграционные и расширительные тенденции. Заявив о своем естественно-гуманитарном предмете, география постмодерна может обрести не только более серьезное признание, но и выступить лидером постдисциплинарного интеграционного знания. География — центральная дисциплина грядущего постдисциплинарного общества, хотя бы потому, что расположена она на перекрестке самых разнообразных дисциплин, как естественных, так и гуманитарных, как прикладных, так и философских или, точнее, и в тех и других и во всех.

Литература:

1. Анучин В.А. Теоретические проблемы географии. – М.: «Географгиз», 1960.
2. Войцехович В. Э. Антропный принцип как интегрирующее ядро постнеклассической науки // Философия и космология, 2010, №1 (8). С. 33-37.
3. Гладкий О.В. Географія і втрачена єдність // Наукові записки Вінницького педунверситету. Сер. Географія, 2010, Вип.21, С.63–67.
4. Гладкий Ю.Н. Гуманитарная география: научная экспликация. – СПб.: Филологический фак-т СПбГУ, 2010, 663 с.
5. Гладкий Ю.Н., Петров А.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Известия РАН, Сер. географ., 2008, № 3, С.15-25.
6. Горкин А.П. О релятивизме в социально-экономической географии (объективные и субъективные аспекты) // Теория социально-экономической географии: современное

- состояние и перспективы развития / Под ред. А. Г. Дружинина, В. Е. Шувалова/ Материалы Международной научной конференции (Ростов-на-Дону, 4–8 мая 2010 г.). – Ростов-н/Д, 2010, С.32–36.
7. Дронин Н.М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии. – М.: ГЕОС, 1999, 232 с.
  8. Замятин Д.Н. Гуманитарная география. Пространство и язык географических образов. СПб.: Алтейя, 2003, 331 с.
  9. Зубаревич Н.В. Мифы и реальности пространственного неравенства // Общественные науки и современность. 2009. № 1. С. 38-53.
  10. Клюев Н.Н., Сдасюк Г.В., Тишков А.А. Мировые кризисы — необходимость реализации программ перехода к устойчивому развитию // Рациональное природопользование: международные программы, российский и зарубежный опыт. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010, С. 10-38.
  11. Марков К.К. Географическая наука и высшее образование в университете - Вестник МГУ, № 3, 1965. С. 55-65
  12. Преображенский В.С. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // Известия РАН. Сер. географ., 1998, № 3, С.14–19.
  13. Преображенский В.С. Я – географ. – М.:«ГЕОС», 2001, 292 с.
  14. Преображенский В. С., Александрова Т.Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. – М.:«ИГРАН», 1997, 273 с.
  15. Саушкин Ю. Г. Географическое мышление. – Смоленск: Ойкумена, 2011, 218 с.
  16. Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. – М.-Л., 1928, 311 с.
  17. Симонов Ю.Г. История географии в Московском университете: события и люди, Т. 1. – М.: Городец, 2008, 504 с.
  18. Тишков А.А. Люди нашего племени. Очерки. М.: Институт географии РАН, 2012, 276 с.
  19. Топчиев А.Г., Яворская В.В. Методологические проблемы и трансформации в современной социально-экономической географии // Географический сборник, 2011, №1. С. 1–16.
  20. Фейерабэнд П. Против методологического принуждения // Фейерабэнд П. Избранные труды по методологии науки. – М.:«Прогресс», 1986, 542 с.
  21. Gill A. Travelling down the road to postdisciplinarity? Reflections of a tourism geographer // The Canadian Geographer / Le Géographe canadien, 2012, V.56, Issue 1, p. 3–17.
  22. Gladkey A.V. Humanistic paradigm of geography // Central European Regional Policy and Human Geography. Year III, no. 2, 2013, p. 7-14.
  23. Lawrence R. J. Beyond disciplinary confinement to imaginative transdisciplinarity // Tackling wicked problems through the transdisciplinary imagination. (Ed. V. Brown, J. Harris, and J. Russell). – London: «Earthscan», 2010, P.16–30.
  24. Soja E.W. Postmodern Geographies: The Reassertion of Space in Critical Social theory. L.: Verso, 1990.
  25. Vattimo G. The End of Modernity. Nihilism and Hermeneutics in Post-Modern Culture. Cambridge, Polity Press, 1988.